НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC LIFE

DOI: https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-41-4-142-148
УДК 947.071+ 947.072

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ДВОРЯНСКИХ ПРОЕКТАХ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ВЗГЛЯД ИСТОРИКА

А. Н. Долгих
Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
ул. Ленина, Липецк, 398020, Россия

Аннотация.
Введение. Темой данной статьи является вопрос об изучении дворянского общественного мнения России первой половины XIX в. по проблеме крепостного права и его дальнейшей судьбе. Несмотря на определенную изученность этого сюжета в историографии, автор предлагает новые способы и формы рассмотрения данного вопроса. **Материалы и методы.** Автор предлагает в статье использование мало исследованного типа источников – дворянские проекты решения крестьянского вопроса, которые дают новые данные для изучения соотношения реакционеров, консерваторов, умеренных сторонников смягчения крепостного права и эмансипаторов в данной сфере, а именно, анализирует эти проекты по ряду параметров за период с 1801 по 1855 гг., используя при этом весь комплекс других материалов на эту тему, значительно расширяя его в сравнении с существующей историографией проблемы. **Результаты.** Автор анализирует ряд тенденций в развитии данной проблемы, в том числе отмечая зависимость дворянского общественного мнения от позиции правительства по крестьянскому вопросу в царствование Александра I и Николая I, выявляя «болевые точки» в вопросе о смягчении крепостного права, рассматривая тенденции в развитии различных сторон и параметров проблемы, обращая внимание на разницу предполагаемых реформ для владельческих крестьян и отдельно дворовых людей, мотивацию дворянских предложений по части изменения системы крепостничества в России, уделяя значительное место довольно «скользкой» и недостаточно изученной в историографии проблеме соотношения идеологии радикального дворянства и его поведения в качестве помещиков в своих имениях. **Заключение.** Использование подобного типа источников дает новое представление о направленности дворянского общественного мнения в сфере крестьянского вопроса в предреформенные десятилетия, подчеркивая, в целом, консерватизм правящего сословия империи.

Ключевые слова: крепостное право, продажа людей без земли, крестьянские повинности, освобождение крестьян, дворовые люди, Александр I, Николай I
Для цитирования: Долгих А. Н. (2025). Крестьянский вопрос в дворянских проектах в России первой половины XIX века: взгляд историка // История: факты и символы. 2025. № 1 (42). С. 127-133. doi.org/10.24888/2410-4205-2025-42-1-142-148
Статья поступила: 11.11.2024
Статья принята в печать: 20.01.2025
Статья опубликована: 18.03.2025
© Долгих А., 2025

THE PEASANT QUESTION IN NOBLE PROJECTS IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: THE HISTORIAN'S VIEW

A. N. Dolgikh
Semenov-Tyan-Shan Lipetsk
State Pedagogical University
st. Lenin, Lipetsk, 398020, Russia

Abstract.
Introduction. The topic of this article is the question of studying the noble public opinion of Russia in the first half of the XIX century on the problem of serfdom and its further fate. Despite a certain amount of study of this plot in historiography, the author suggests new ways and forms of considering this issue. **Materials and methods.** The author suggests in the article the use of a little–studied type of sources – noble projects for solving the peasant question, which provide new data for studying the ratio of reactionaries, conservatives, moderate supporters of softening serfdom and emancipators in this area, namely, analyzes these projects by a number of parameters for the period from 1801 to 1855, using the whole complex other materials on this topic, significantly expanding it in comparison with the existing historiography of the problem. **Results.** The author analyzes a number of trends in the development of this problem, including noting the dependence of noble public opinion on the government's position on the peasant issue during the reign of Alexander I and Nicholas I, identifying «pain points» in the issue of softening serfdom, considering trends in the development of various sides and parameters of the problem, paying attention to the difference in the proposed reforms for the motivation of the noble proposals regarding the change of the serfdom system in Russia, paying significant attention to the rather «slippery» and insufficiently studied problem in historiography of the correlation between the ideology of the radical nobility and its behavior as landlords on their estates. **Conclusion.** The use of this type of sources gives a new idea of the orientation of noble public opinion in the field of the peasant question in the pre-reform decades, emphasizing, in general, the conservatism of the ruling class of the empire.

Keywords: serfdom, sale of people without land, peasant duties, liberation of peasants, household people, Alexander I, Nicholas I
For citation: Dolgikh A. (2025). The peasant question in noble projects in Russia in the first half of the XIX century: the historian's view In *History: facts and Symbols*, 4 (41), 127-133. doi.org/10.24888/2410-4205-2025-42-1-142-148
Received: 11.11.2024
Revised: 20.01.2025
Published: 18.03.2025
© Dolgikh A., 2025

1. Введение

Данная тематика не нова. По крайней мере, со времен выдающего отечественного историка В. И. Семевского в отечественной историографии поставлен был этот вопрос. Однако до последнего времени существовала одна проблема: с помощью каких источников можно оценивать позиции российского дворянства в деле разрешения этой вековой проблемы – существования крепостничества, как посчитать в самом правящем сословии империи дореформенного времени соотношение мнений за и против грядущей крестьянской реформы. Обычным способом ее решения оставалось порочное, в принципе, использование метода, который можно выразить фразой «так, например». Тогда и получалось, что типичными, скажем, для второй половины XVIII в. оценками стали либо выражение: помещики были жестокими, нарушая все бо-

жеские и даже государственные законы, как, например, известная Салтычиха, либо противоположное этому утверждение: помещики были отцами родными для их крестьян, как отец А. Н. Радищева, которого его же собственные «подданные» спрятали от пугачевцев. При этом данная последняя позиция стала неожиданно модной в современной литературе [8, с. 437-449; 10]. Максимумом того, что говорили наши исследователи, например, применительно к радикалам в данной сфере было, например, такое высказывание В. Г. Тюкавкина о декабристах: «Многих современников поражало одно обстоятельство: сами участники движения лично не страдали от крепостного права, а наоборот, за немногим исключением были богаты, знатны, могли жить в роскоши как раз за счет эксплуатации крестьян и тем не менее шли на эшафот во имя изменения существующего строя… Что же на самом деле двигало этими людьми? Ответ может быть только одним – любовь к Родине, к своему народу» [9, с. 6].

В подобной вполне типичной для советского периода фразе есть, конечно, некое преувеличение, так как на эшафот отправлены были немногие, да и выступали они, в основном, против самодержавия, понимая по большей части «вольность» именно так; кроме того, основная масса декабристов не была из знати, а скорее из выслужившегося и не столь богатого дворянства. Но исследователи, как правило, не заходили дальше, за некий рубеж, который был очевиден, не ставили вопрос о том, почему же они сами (те же декабристы) не отпускали своих крестьян на волю, если уж так любили свой народ, а ведь это положение имело место в законодательстве как минимум со времени издания указа от 20 февраля 1803 г. о «вольных хлебопашцах». Причем лукавые утверждения прежнего времени, мотивированные желанием спасти честь наших дворянских революционеров и радикалов, о том, что они не были хозяевами своих имений, коими управляли их родители или старшие родственники, сегодня уже опровергнуты [1, с. 336-346].

Этот «проклятый» вопрос так и находится в некоей стадии нерешения, никому не хочется критиковать таких борцов с крепостничеством (и заодно с самодержавием) как Н. И. Тургенев, П. И. Пестель, А. И. Герцен и др. Действительно, парадокс налицо: на эшафот пятеро взошли, а крестьян не освободил ни один из них. Как же здесь быть? Во-первых, не нужно обманываться насчет большой любви тех же декабристов к своему народу, особенно подъяремному (вспомним ленинское: «Страшно далеки они от народа») [7, с. 261]. Насчет отношения к самодержавию (особенно к конкретным самодержцам), военным поселениям, Священному союзу, А. А. Аракчееву, николаевскому «тащить и не пущать», официальной народности, III Отделению Собственной Е.И.В. канцелярии, «мундирам голубым», глушению свободной мысли вопросов здесь нет. А вот применительно к крепостному праву, особенно в конкретном своем поместье, вопросы остаются. Как же нам посчитать хотя бы соотношение тех дворян, которые выступали, пусть чаще на словах, за решение этого вопроса, с теми, кто не торопился это делать, а также с явными крепостниками? Каких-то особых официально-документальных источников из правительственного лагеря на сей счет не имеется. Мемуары также отражают одну, как правило, точку зрения, суть которой заключается в том, что данный помещик был гуманен, а вот вокруг хватало Салтычих [2, с. с. 49, 51-52; 6, с. 43-44, 101-193, 159].

2. Материалы и методы

Объективно говоря, на этот вопрос полностью практически ответить невозможно, хотя бы потому, что весь материал охватить нельзя. Но все же определенные сведения на сей счет можно извлечь из такого необычного, но, как выяснилось, достаточно массового источника как дворянские проекты решения крестьянского вопроса, поступавшие в различные правительственные органы той эпохи, в совокупности с выступлениями тех или иных лиц в Государственном совете, Комитете министров, Правительствующем сенате и других институтах власти, замечаниями в дневниках и переписке российских дворян той эпохи. Они все вместе позволяют до некоторой степени воссоздать если не полную картину этого явления, то хотя бы (что важнее, на самом деле), соотношение тех или иных фракций господствующего сословия империи на протяжении первой половины XIX в. Эти источники становятся репрезентативными, начи-

ная со времени правления Александра I, так как в предшествующий период их единичность не позволяет делать каких-либо далеко идущих выводов. А вот с 1801 по 1855 гг. (время двух царствований, в отношении которых нами проводились изыскания) количество подобных данных уже достаточно велико, и выводы могут быть репрезентативны. Заметим, что в литературе вопроса обычно упоминалось 20-30 подобных источников, а вот когда их массив достиг двух с лишним тысяч, он уже позволял делать осторожные выводы, но, когда за многие годы сбора этих источников особенно соотношения параметров в изучаемой сфере остаются примерно одинаковыми, это убеждает нас в том, что они более или менее постоянны [3; 4; 5].

Здесь мы немного дополним наши наблюдения на сей счет с включением в рассмотрение новой достаточно большой группы новых источников и при использовании некоторых новых параметров, которые дают больше возможностей получить дополнительную информацию. На сегодняшний день нами использованы 2152 проекта разного рода, начиная с середины марта 1801 и заканчивая февралем 1855 гг. (исключая павловские материалы – всего 39 проектов, которые мы не учитываем по выше указанным соображениям).

3. Результаты

За александровскую эпоху их 947, в среднем за год более чем 38, за николаевскую – 1166 – т.е. по 40 за год. Заметим, что при подобном рассмотрении цифры по царствованиям оказались довольно близкими, что наводит на размышления о том, что не так уж сильно отличалось дворянство николаевской эпохи от предшествующего царствования, как предполагается молчаливо, имея в виду кризис крепостничества во второй четверти столетия (с этим положением историографии, выдвинутым в советское время, мы согласны, но, видимо, здесь это обстоятельство почти не сказалось).

Также очевидно, особенно если брать данные по пятилетиям, что степень интенсивности подобного обсуждения крестьянского вопроса в дворянском сообществе явно зависела от правительственной активности в данной сфере (мы склонны думать именно так, а не иначе, так как в ту пору еще время на выбор пути для самодержавия еще оставалось, власть еще могла подождать с реформами, запас времени еще был; иное дело после поражения в Крымской войне). Пики дворянской активности здесь: при Александре I – 1801-1805 – 211 проектов (по 44 за год), 1816-1820 – 331 (по 66), при Николае I – 1841-1845 – 287 (ок. 57), 1846-1850 – 401 (ок. 79). Все эти пики объяснимы: начало царствования Александра – деятельность Негласного комитета, указ 1803 г. и реакция на них, в послевоенные годы – остзейские реформы и попытки их распространения на прилегающие российские губернии и др., в 1840-е гг. – указ об обязанных крестьянах 1842 г., попытки инвентарных реформ в западных губерниях и др. Спады здесь тоже логичны: войны 1805-1807, 1812-1815 гг., начало царствования Николая, связанное с путчем декабристов, первая волна европейских революций и польское восстание 1830-1831 гг. влияли на данный процесс, а после европейских революций второй волны (1848-1849 гг.) проблему и вовсе закрыли (101 проект за 1851-1855 гг. – в среднем 24 за год).

Остановимся на соотношении так называемых реакционных и либеральных проектов (при всем условном использовании термина «либерализм» для дореформенной эпохи). По нашим данным, за александровское царствование количество проектов сторонников ужесточения крепостнического режима было ок. 6% от общего их числа, проектов сторонников сохранения системы – ок. 23%, направленных на изменение ситуации – 71% (37 на смягчение крепостного права, 34 – на освобождение крестьян). В николаевскую эпоху реакционные проекты составили ок. 10%, консервативные – ок. 26%, направленные на смягчение крепостничества – ок. 36%, на освобождение крестьян – ок. 28%. При другом подходе к материалу получается, что ок. 60% этих проектов выступало за сохранение режима в разных видах (грани здесь достаточно условны), видимо, с небольшими изменениями, например, ликвидацией или ограничением продажи людей без земли, введением более умеренной барщины и оброка, ограничением «домашнего» наказания, и лишь в среднем ок. 8% проектов за два царствования были явно реакционными. Но если мы посмотрим на проекты сторонников эмансипации крестьянства, то при внимательно-

ном их изучении и выявлении их параметров (там, где обозначены освобождение с землей или без земли, сразу или через время, бесплатно либо за выкуп) цифры меняются – при Александре – 15,6% проектов, при Николае – 17,2% от общего числа их только более или менее разработаны, и эти средние цифры уже выглядят более объективно и дают уже некую картину мнений: на 10 человек (в подавляющем большинстве, по нашим данным, потомственных дворян) 1 реакционер, 6-7 умеренных консерваторов и 1-2 эмансипатора (которые, в принципе, были готовы освободить своих крестьян при определенных условиях). Вот это соотношение нам представляется реальным, причем за полвека оно менялось, судя по всему, не сильно, что противоречит неким общим представлениям о полевении массы российского дворянства в данный период в связи с упомянутым уже кризисом крепостничества. Вспомним, что саму реформу 1861 г. проводила именно верховная власть при опоре на бюрократию и незначительную часть правящего сословия империи, в то время как масса дворянства была против нее, что отразилось в прениях в губернских комитетах по крестьянскому делу в начале царствования Александра II.

Среди факторов, составляющих содержание проектов, направленных на смягчение крепостного права, выделяются два основных: запрет или ограничение продажи людей без земли – из общего количества проектов этого рода он представлен в 36% при Александре и 53% при Николае (здесь важна тенденция к росту значения этой проблемы, которую считали важнейшей язвой крепостничества в России), а также вопрос о таксации ренты помещикам от их «подданных» (здесь динамика такова – 42,6% и 65%), ограничение «домашнего» наказания – соответственно 30,9% и 56%. Везде видна одна и та же тенденция – нарастание со временем стремления дворянства ликвидировать крайние формы угнетения крестьян (в том числе и из чувства «стыда», возникшего примерно в начале XIX в.), при том, что особого стремления к ликвидации крепостничества нет.

Наконец, не может не заинтересовать такой аспект проблемы, который всегда вызывает удивление. Почему бы не начать освобождение владельческой деревни с эмансипации дворовых людей, которые подвергались особо жестокой степени эксплуатации именно с точки зрения морального угнетения их личности (вспомним, к примеру, «Муму» И. С. Тургенева), тем более что их вполне можно было не обеспечивать при этом землей (что было бы явно выгоднее для помещиков) во многом потому, что многие из дворовых оторвались от земли и уже не жаждали ее обрабатывать. Но картина здесь радикально иная, и в этом нам помогает убедиться именно данная цифирь. Так, продажа людей без земли представлена для дворовых при Александре в 27,4% проектов, а при Николае – в 45,5%. Еще более разительны цифры по таким параметрам как наказания их помещиками – соответственно 9 и 24,2%. А в отношении освобождения дворовых цифры еще более показательны – 3% при Александре и 4,1% при Николае от общего количества проектов. Разница с собственно крестьянами очевидна. Как это объяснить? Здесь налицо два фактора: во-первых, разное отношение помещиков к крестьянам и дворовым: в моральном плане первые выступают все же как приличные люди, вторые – как скопище пороков, как лица, не достойные свободы. Второй фактор также очевиден: без дворни помещикам было не обойтись: кто их будет брить и стричь, кормить и одевать? Вольнонаемным работникам придется платить, а тут все бесплатно. Вольнонаемного нельзя наказывать, он тогда уйдет, а эти никуда не денутся. Поэтому налицо и парадоксальный вывод – дворовых отпускать на волю в последнюю очередь (и здесь не меняют дела факты отпуска на волю именно дворовых отдельными лицами, ибо тенденция здесь все же иная).

Еще одно сопоставление также весьма интересно. Речь идет уже непосредственно о самих авторах этих проектов и высказываний, число которых значительно больше, чем самих проектов – мы их насчитали 3746 (по царствованиям 1384 и 2313). При этом представители элиты (чины первых четырех классов и титулованные дворяне) дают нам в совокупности сторонников смягчения крепостничества и крестьянского освобождения при александре 64,7%, а при Николае – 67% от числа респондентов этого уровня, а лица низших отрядов дворянства (где также преобладают потомственные дворяне) – соответственно 72,5 и 67,5% от общего

числа. Что это означает? Если в александровское время, когда до освобождения было далеко, более бедные слои дворянства были в большей степени склонны к улучшению положения владельческой деревни, то при Николае, когда вопрос об этом уже вышел из стадии предположений, их позиция, в целом, стала более консервативной и сблизилась с позицией элиты правящего сословия империи.

Наконец, важна и проблема мотивации создания проектов. Здесь также мы видим изменения по царствованиям. Они по-своему вполне понятны, но, когда это понимание подкреплено цифирью, он становится более убедительным. Так, гуманистические моменты в мотивации создания проектов при Александре составили 55,1% от числа всех проектов (мы выделяем в каждом из них главный фактор мотивации, потому что иногда их бывает несколько), то при Николае – лишь 36,8%, зато вопрос об экономических мотивах выглядит так: 29,3 и 38,3% соответственно: т.е. помещики николаевской эпохи лучше стали считать деньги и свои выгоды. Показательно, что и факторы государственной безопасности как важнейшие факторы мотивации также разнятся: соответственно 15,6 и 24,9%, а в некоторые годы – до 35,6% (первая половина 1830-х гг.: налицо влияние Польского восстания и его воздействия на политическую обстановку в империи).

4. Заключение

В заключение отметим, что подобные исторические источники дают более ясную картину воззрений российского дворянства на решение крестьянского вопроса в дореформенный период, нежели использование порочного подхода «так, например».

Список источников и литературы

1. Бокова, В. М. (2003). *Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в*. М.: Реалии-Пресс. 656 с.

2. Водовозова, Е. Н. (1987). *На заре жизни: в 2 т. Т. 1 / Вступ. ст., подг. текста и коммент. Э. С. Виленской.* М.: Художественная литература. 511 с.

3. Долгих, А. Н. (2011). *Крестьянский вопрос в России в дворянских проектах конца XVIII – первой четверти XIXв.: опыт анализа //* Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. № 3 (41). С. 25-31.

4. Долгих, А. Н. (2023). *Поиски решения крестьянского вопроса в России в дворянских проектах конца XVIII – первой половины XIX в. //* Российская история. № 1. С. 59-70.

5. Ильин, А. Ю., Канищев, В. В. (2023). *К проблеме изучения крестьянского вопроса в России в XVIII – первой половине XIX в. //* Гуманитарные исследования Центральной России. № 3 (28). С. 16-21.

6. Каменская, М. Ф. (1991). *Воспоминания / Подг. текста, сост., вступ. ст. и коммент. В. Боковой.* М.: Художественная литература. 383 с.

7. Ленин, В. И. (1968). *Памяти Герцена //* Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд. 5-е. *Т. 21*. М.: Издательство политической литературы. С. 255-262.

8. Миронов, Б. Н. (2012). *Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII –XX века.* 2-е изд., испр,, доп. М.: Издательство «Весь мир». 848 с.

9. *России верные сыны /Сост., предисл., коммент. В. Г. Тюкавкина* (1988). М.: Молодая гвардия. 541 с.

10. Савельев, А. *Выдумки о темном царстве крепостничества* // URL: https://www.russdom.ru/node/3671 (дата обращения – 2.05.2024).

References

1. Bokova, V. M. (2003). *Epoha tajnyh obshchestv: Russkie obshchestvennye ob"edineniya pervoj treti XIX v.* [The era of secret societies: Russian public associations of the first third of the XIX century]. Moscow: Realii-Press. (In Russian).

2. Vodovozova, E. N. (1987). *Na zare zhizni: v 2 t. T. 1 / Vstup. st., podg. teksta i komment. E. S. Vilenskoj* [At the dawn of life: in 2 vols. Vol. 1 / Introductory article, subg. text and commentary by E.S. Vilenskaya]. Moscow: Fiction. (In Russian).

3. Dolgikh, A. N. (2011). *Krest'yanskij vopros v Rossii v dvoryanskih proektah konca XVIII – pervoj chetverti XIX v.: opyt analiza* [The peasant question in Russia in noble projects of the end of the XVIII – first quarter of the XIX century: the experience of analysis] in *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk.* 13. No. 3 (41). pp. 25-31. (In Russian).

4. Dolgikh, A. N. (2023). *Poiski resheniya krest'yanskogo voprosa v Rossii v dvoryanskih proektah konca XVIII – pervoj poloviny XIX v.* [The search for a solution to the peasant question in Russia in the noble projects of the late XVIII – first half of the XIX century] In *Rossijskaya istoriya*, 1, 59-70. (In Russian).

5. Ilyin, A. Yu., Kanishchev, V. V. (2023). *K probleme izucheniya krest'yanskogo voprosa v Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v* [On the problem of studying the peasant question in Russia in the XVIII – first half of the XIX century] in *Gumanitarnye issledovaniya Central'noj Rossii*, 3 (28), 16-21. (In Russian).

6. Kamenskaya, M. F. (1991). *Vospominaniya / Podg. teksta, sost., vstup. st. i komment. V. Bokovoj* [Memoirs / Podg. of the text, comp., intro. art. and comment. V. Bokova]. Moscow: Fiction. (In Russian).

7. Lenin, V. I. (1968). *Pamyati Gercena* [In Memory of Herzen] in *Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. Izd. 5-e.* Vol. 21. M.: Publishing House of Political Literature, 255-262. (In Russian).

8. Mironov, B. N. (2012). *Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v imperskoj Rossii: XVIII – XX veka* [Welfare of the population and revolutions in Imperial Russia: XVIII –XX centuries]. 2nd ed., ispr,, add. Moscow: The Whole world Publ. (In Russian).

9. *Rossii vernye syny /Sost., predisl., komment. V. G. Tyukavkina* [Faithful sons of Russia / Comp., preface, comment. V.G. Tyukavkina] (1988). Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian).

10. Saveliev, A. *Vydumki o temnom carstve krepostnichestva* [Fictions about the dark kingdom of serfdom] // URL: https://www.russdom.ru/node/3671 (date of application – 2.05.2024). (In Russian).